

Ольга Пустошинская

Виктория

RUGRAM

Москва
2023

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
П89

Пустошинская, О.

П89 Виктория / О. Пустошинская — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 364 с.

ISBN 978-5-517-09964-8

В книге — две повести и рассказ.

«Виктория». Поездка к матери в Самару оборачивается для Виктории опасным приключением. Из 2017-го года она попадает в Куйбышев 1941-го, без вещей и документов.

«Ларочка». Блокадный день осаждённого фашистами Ленинграда. Двенадцатилетняя Лара теряет карточки на всю семью, ищет пропажу и получает помощь с неожиданной стороны.

В повести «Осязание» события происходят в 1940-м году в уральском городке. Библиотекарша Янина может исцелять людей. Через год начнётся война, и Янина не сможет остаться в стороне.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-09964-8

© Пустошинская О., 2023
© Нотыч А., оформление, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

ВИКТОРИЯ

В ПОЕЗДЕ

Тошнота усиливалась от мерного покачивания поезда, подступала к самому горлу. Было зябко, болела голова, мысли путались и сбивались. Не получалось вспомнить что-то очень важное, важное и пугающее.

Вика лежала на боку, скорчившись от озноба, укрытая тонким, колючим одеялом.

— Не из нашего вагона вроде... контузило? — откашлявшись, спросил чей-то мужской басок, и ему неуверенно ответили:

— Да, кажется...

Сквозь дрему слышался детский плач, кашель, чей-то храп и обрывки чужого разговора:

— Листовки скинули, а в них написано, дескать, Москва не столица, Урал не граница...

— Бегут... давка везде, магазины закрыли.

— Завод заминировали... Мы же не слепые, всё видим.

— Говорят, что и сам из Москвы сбежал, бросил нас.

— Отставить разговорчики! Провокатор, шкура! — задыхался от бешенства тот же простуженный басок.

«Это бред... Кажется, я заболела», — подумала Вика и снова провалилась в дремоту.

Очнулась она от холода. Дрожа всем телом, натянула одеяло до подбородка. Как сильно грохочет и лязгает вагон! Окна, что ли, нараспашку? Вика открыла глаза, преодолевая тошноту, и огляделась.

Очень старый плацкартный вагон был битком набит пассажирами и вещами. В проходе стояли не поместившиеся под полками по-

тёртые фанерные чемоданы с металлическими уголками и замочками, большие узлы и корзины. Пассажиры сновали туда-сюда, спотыкались о чужие ноги и вещи. На верхней полке кто-то спал, укрывшись шерстяным одеялом.

Напротив сидели две женщины и девочка-подросток в берете и чёрном пальто, из ворота которого виднелся кончик красного пионерского галстука. Галстук не был завязан узлом, а скреплён серебристым зажимом с красными язычками пламени.

— Очнулись? — мягко спросила одна из женщин в сером старомодном пальто. Её тёмные волосы были уложены вокруг головы венчиком. — Вам лучше?

— Не знаю, — с трудом ответила Вика, разлепив сухие губы, — тошнит.

— Ничего, пройдёт. Да вы лежите, лежите...

Она всё же села, оперевшись спиной о стенку и натянув на себя одеяло. В изголовье обнаружился Викин рюкзак с разными мелочами и курткой. Где-то на дне рюкзака должен быть пакетик фруктовой карамели...

Вика растегнула замок, достала конфету — попалась лимонная — развернула фантик и отправила леденец в рот. Кисло-сладкий приятный вкус немного унял тошноту.

Мальчик с зелёным грузовиком, одетый в нелепую курточку и кепку, забыл про свою игрушку и не сводил с Вики тёмных глаз.

Та поняла.

— Как тебя зовут?

— Серёжа.

Вика протянула две конфеты:

— Держи, Серёжа!

Тот вопросительно посмотрел на женщину в пальто, она улыбнулась и кивнула: можно.

— Спасибо!

Одну конфету он спрятал в карман, вторую стал катать во рту с видимым удовольствием, болтая ногами. Фантик разгладил на коленке, сложил вдвое и тоже убрал в карман.

— Я собираю фантики от конфет, у меня их уже много, — похвалился Серёжа. — Только альбом дома остался, мама с собой не разрешила взять, говорит, что тяжёлый.

Тошнота отпустила, головная боль как будто притупилась. Но что это за вагон, похожий на музейный экспонат? Как же Вика здесь оказалась? Надо вспомнить...

* * *

Отпуск Вике дали в мае, а не в августе, как она хотела.

— Понимаете, Виктория Александровна, я не могу сразу двух врачей отпустить в августе, — вежливо и будто виновато объяснила заведующая отделением, — если не май, то, может быть, ноябрь вас устроит?

Нет, ноябрь не устроит, лучше май. Можно поехать к матери в Самару и погостить месяц. Давно ведь собиралась, да всё как-то не складывалось. Самара была Викиным родным городом. Там она родилась, ходила в детский сад и школу, в спортивную секцию на плавание, там осталась лучшая подружка Наташка.

Мама, конечно, обрадовалась:

— Наконец-то ты мне pomoжешь посадить картошку!

Она не мыслила жизни без дачи, своих помидорчиков и картошечки.

— Помогу-помогу... Мам, что тебе привезти из Москвы?

— Доча, дефицита в Самаре давно нет, слава богу! Ничего не надо, сама приезжай.

Незадолго до отъезда в Москве резко похолодало, и Вика с ворчанием достала из шкафа убранные на хранение ботинки и утеплённую курточку защитного цвета со множеством погончиков и кармашков.

Билет был куплен на седьмое мая. Поезд отправлялся утром с Казанского вокзала; четырнадцать часов пути — и она в Самаре.

«Продукты с собой можно не брать, только немного фруктов и печенье, — рассуждала Вика. — Позавтракаю в вагоне-ресторане — шикану».

...Утром седьмого мая она едва не проспала, и всё из-за дурной привычки выключать будильник и ещё чуть-чуть полежать. Через сорок минут Вика в темпе одевалась, путаясь в штанинах и причёсываясь на ходу. Времени на нормальный завтрак не оставалось. Она торопливо допивала чашку кофе, когда позвонили из службы такси: машина стоит у подъезда.

— Выхожу, выхожу!

Вика подхватила вещи, закрыла дверь на все замки и вызвала лифт.

* * *

Виктория затащила в вагон тяжёлый чемодан на колёсиках и пошла по узкому коридору, разыскивая своё купе. Открыла дверь и удивилась: других пассажиров не было.

«Это ненадолго, — подумалось ей с сожалением, — рано или поздно обязательно кто-нибудь подсядет». Вика решила переодеться, пока никто не мешал. Достала из чемодана синие джинсы и белую толстовку с британским флагом на груди, стянула резинкой в хвост светлые волосы до плеч.

Заглянула проводница, спросила про постельное бельё.

— Нет, бельё не нужно, спать я уже дома буду, — отказалась Вика и вдруг почувствовала какую-то смутную тревогу, дурное предчувствие — так иногда бывало, — но не стала на этом заикливаться. Поймав своё отражение в зеркале, она вспомнила, что в суматохе не успела накраситься. Нашла в рюкзаке косметичку, нанесла тушь на ресницы, мазнула губы розовой помадой.

Многие из её окружения не понимали, почему такая умная и красивая девушка до сих пор не замужем: ну где глаза у этих мужчин?! А Вика улыбалась и цитировала Хайяма:

*Я думаю, что лучше одиноким быть,
Чем жар души «кому-нибудь» дарить.
Бесценный дар отдав кому попало,
Родного встретив, не сумеешь полюбить.*

Поезд тронулся, набрал ход, оставив позади шумный Казанский вокзал. Вике давно хотелось есть: чашка кофе только разожгла аппетит. Проверила кошелек с деньгами и картой — он был на месте, положила в кармашек телефон и взялась за дверную ручку. Потом внезапно (к счастью, как оказалось) подумала, что ходить через вагоны в одной толстовке будет холодно, и сунула в рюкзак куртку.

А что же было потом?..

Вика шла через холодные тамбуры, через грохот и лязг буферной зоны, разыскивая ресторан. Чужие вагоны с заспанными пассажирами, очереди в туалет, двери, двери, двери...

Навстречу попалась хмурая проводница с подносом пустых стаканов.

— Простите, а где ресторан? — спросила Вика. Нождажданно она услышала свист, скрежет и почувствовала, что поезд стал тормозить.

— Стоп-кран сорвали! — безошибочно определила проводница. С подноса посыпались стаканы, раздался звон разбитого стекла, кто-то завизжал.

Вика не успела ухватиться за поручень, и её с силой отбросило на дверь тамбура. Боль оглушила, стало трудно дышать, и показалось, что воздух стал плотным, светящимся, фосфоресцирующим. Теряя сознание, Вика услышала грохот и бухающие взрывы. И чужой, едва слышный разговор.

— Гражданских бомбят, сволочи!

— Женщину контузило, товарищ капитан. Что делать?

— Надо занести её в вагон. Медики в поезде есть?

* * *

— Позвать врача? — сочувственно спросила Серёжина мать.

Вика отказалась, заверив, что чувствует себя лучше. У неё сотрясение мозга, судя по симптомам, надо в больницу и постельный режим, но это уже потом, дома...

Что же всё-таки случилось?

— Поезд стали бомбить, — буднично сказала мама Серёжи, — бомба рядом разорвалась, окна вылетели. Скомандовали выходить

из вагонов, мы выскочили... Вас контузило, без сознания долго лежали. Слава богу, все живы.

— Никакого бога нет, это просто так говорят, — встрял Серёжа.

Вика ужаснулась:

— О чём вы? Как это — «стали бомбить», кто?

Пассажиры с интересом прислушивались к разговору и смотрели на неё с жалостью.

— Немцы, кто же ещё.

— Какие немцы? Почему?

— У вас потеря памяти, — грустно объяснила мама Серёжи. — Война началась, вы не помните?

— Нет, конечно, нет! — У Вики задрожали руки. — Когда это случилось?

— Двадцать второго июня.

— А-а-а... поняла, — улыбнулась она. И как сразу не догадалась? День Победы ведь скоро. — Ролевики? Но как всё реалистично: и вагон тех лет, и обстановка, и одежда... Супер!

— Я всё же позову врача, — поднялась соседка.

— Не надо врача, я сама врач.

По вагону прошёл гомон и оживление. Невысокая женщина, постарушечьи повязанная платком, торопливо направилась к выходу, держа в руках алюминиевый чайник. Поезд стал замедлять ход и остановился. Вика прильнула к окну.

Это была маленькая станция со старинным кирпичным зданием вокзала, с небольшими окнами в резных наличниках на фасаде. Вся платформа была забита людьми: женщинами, детьми, стариками... Кто сидел прямо на земле, кто на чемоданах. В такой-то холод!

— Открывать не буду, если никто не выходит, — раздался зычный голос, — открой — так штурмом брать начнут. Кто за кипятком, подходи сюда, через другую дверь выпущу.

Снаружи послышались отчаянные крики, чьи-то невидимые руки заколотили по дверям вагона, будто в подтверждение слов проводника. В окно было видно, как люди, похватав узлы и корзины, толпой бежали к поезду.

Вике стало страшно.